

ДВА ПАТРОЛОГА: ВЛАДИМИР ЛОССКИЙ И ВАСИЛИЙ КРИВОШЕИН*

Тереза Оболевич

В статье рассматриваются взаимоотношения двух выдающихся представителей патристического ренессанса в XX в.: архиепископа Василия Кривошеина и Владимира Лосского. Лосский считается сторонником идеи неопатристического синтеза. Василий Кривошеин, который имел выдающиеся заслуги в области патристических штудий, скептически относился к этой идее, полагая, что для ее реализации еще не пришло время. В 1956 г. Лосский и Кривошеин посетили СССР в составе делегации Западно-Европейского экзархата, это была их первая поездка на родину после эмиграции. Они побывали в Москве, Троице-Сергиевой лавре, Владимире, Ленинграде и Киеве, посетили духовные академии и впоследствии поделились своими впечатлениями о церковной жизни в Советском Союзе. Лосский и Кривошеин принимали активное участие в международных патрологических съездах в Оксфорде, а их работы получили мировое признание. Оба подчеркивали важность апофатического метода, хотя каждый по-своему понимали его роль для философско-богословских изысканий. В статье также рассматривается инициатива приглашения советских ученых на Второй патрологический конгресс в Оксфорд, исходящая от Кривошеина и поддержанная Лосским. Указываются те трудности, с которыми пришлось столкнуться организаторам конгресса. Публикуется письмо В. Лосского о. Василию Кривошеину, отправленное в 1955 г.

Ключевые слова: В. Кривошеин, В. Лосский, патрология, неопатристический синтез, апофатика.

Папский университет Иоанна Павла II
в Кракове, Польша

This article examines the relationship between the two prominent representatives of the patristic renaissance in the twentieth century Archbishop Vasily Krivoshein and Vladimir Lossky. Lossky is considered a proponent of the idea of the Neopatristic synthesis. On the contrary, Vassily Krivoshein, who had distinguished himself in the field of patristic studies, was skeptical of the idea, believing that the time was not yet ripe for its realization. In 1956, Lossky and Krivoshein visited the USSR as part of a delegation from the Western European Exarchate, it was their first trip to their homeland since emigration. They visited Moscow, Trinity-Sergius Lavra, Vladimir, Leningrad, and Kiev, attended the theological academies, and later they expressed their impressions of church life in the Soviet Union. Lossky and Krivoshein took an active part in international patrological congresses in Oxford, and their works received worldwide recognition. Both religious thinkers emphasized the importance of the apophatic method, though each understood its role for philosophical and theological inquiry in his own way. The article also describes the circumstances surrounding Krivoshein's initiative, supported by Lossky, to invite Soviet scholars and church hierarchs to the Second Congress on Patrology in Oxford. The difficulties encountered by the organizers of the congress are pointed out and explained. As an appendix to this article, the author publishes a letter from Vladimir Lossky to Fr. Vasily Krivoshein, sent in 1955.

Keywords: Vasily Krivoshein, Vladimir Lossky, patrology, Neopatristic synthesis, apophatics.

© Оболевич Т., 2021

<https://doi.org/10.31119/phlog.2021.1.136>

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта «Философия в неопатристике. Новые фигуры и новые интерпретации», поддержанного Национальным центром науки Республики Польша, UMO–2018/31/B/HS1/01861.

Владимир Лосский (1903–1958) и о. Василий Кривошеин (1900–1985) – два выдающихся богослова и философа, чье творчество особенно сильно повлияло на возрождение патристики в XX в. как в среде русских эмигрантских мыслителей, так и среди зарубежных (особенно французских и английских) исследователей, а впоследствии и в России. В настоящем очерке, предваряющем публикацию письма Владимира Лосского о. Василию Кривошеину, мы рассмотрим некоторые пересечения жизненных путей обоих мыслителей, а также сходные черты их богословского наследия. Особое внимание будет уделено о. Василию Кривошеину – адресату письма Лосского.

Владимир Лосский и Всеволод (имя, данное при крещении) Кривошеин были почти ровесниками; детство и юность они провели в Петербурге и прибыли в Европу после Октябрьской революции: Лосский вместе со своим отцом, известным философом Николаем Онуфриевичем Лосским (1870–1965) приехал в Прагу в 1922 г. и стал студентом исторического факультета Карлова университета, а Кривошеин – еще в 1919 г. прибыл в Париж, где окончил филологический факультет Сорбоннского университета. Оба мыслителя уже в студенческие годы проявили интерес к раннему христианству. Владимир перевелся из Праги в Сорбонну для изучения средневековой истории и философии, изучая творчество Мейстера Экхарта под руководством именитого Э. Жильсона. Всеволод одно время пытался поступить в Оксфордский университет, заручившись поддержкой П.Б. Струве, о чем сообщал матери 1 октября 1920 г.: «Струве обещает устроить меня в Оксфорд. Это так хорошо, что я не смею даже мечтать» [14, с. 52]. Подтверждение этих слов находим в письме самого Струве, отправленном из Новороссийска 10 февраля 1920 г. сыну Глебу: «К тебе обратится Александр Васильевич Кривошеин, который хочет поместить своего сына Всеволода в Оксфордский университет. Помогите ему своими указаниями... При сем пишу об этом Мих. Ив. Ростовцеву и Павлу Гавр. Виноградову» [20]. Однако в Оксфорд Кривошеин попадет только почти тридцать лет спустя, уже в качестве видного ученого-патролога.

В апреле 1925 г. Всеволод Кривошеин стал студентом недавно созданного Свято-Сергиевского православного богословского института [1, с. 207; 8, р. 16], но уже в сентябре, во время паломничества на Афон, он принял решение поступить в русский монастырь св. Пантелеймона. Одним из мотивов было намерение изучать рукописи отцов церкви, хранящиеся в богатой афонской библиотеке. Год спустя он получил монашеское имя Валентин, а в 1927 г. принял монашеский постриг с именем Василий. О своей жизни на Афоне монах Василий писал матери 17/30 января 1932 г.: «Не могу сказать, чтобы я хоть сколько-нибудь преуспел на этом пути. Характер мой за эти годы почти не изменился сравнительно с тем, что было в миру. Больше читаю о духовной жизни, нежели прохожу ее на деле. Читаю вообще много и в ущерб молитве. Хорошо только, что в монастыре имеются некоторые старцы большой духовной жизни (большей частью простые монахи – как, например, о. Силуан) – от них можно многому научиться» [14, с. 57].

Исследовательская работа на Афоне была связана с многочисленными трудностями. По воспоминаниям владыки Василия, после поступления в

монастырь его вместе с будущим о. Софронием (Сахаровым, 1896–1993) отправили к старцу, который спросил у последнего: «Для чего Вы сюда приехали?» – «Для одинокой созерцательной жизни». – «Вот хорошо, так вот ты пойдешь и стань помощником сторожа дверей», в то время как с Валентином состоялся следующий разговор: «А Вы для чего приехали?» – «Я приехал заниматься исследованиями богословскими, рукописями афонскими». – «Вот хорошо, так ты иди на кухню» [12, с. 6]. Кроме того, манускрипты не были каталогизированы. Сокровищница патристического наследия была практически неизвестна не только научному миру [2, с. 196], но даже собственному монашескому кругу. Результаты своей длительной и кропотливой работы с источниками о. Василий представил в обширной статье с тщательно выверенным критическим аппаратом (занимающим две третьих самого текста), озаглавленной «Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы». Она была опубликована в 1935 г. в издании «*Seminarium Kondakovianum*». Современный комментатор отмечает: «Возможно, на выбор места для опубликования своего первого богословского труда оказала влияние и существовавшая традиция русского богословия и церковно-исторической науки в Европе публиковаться в трудах *Seminarium Kondakovianum*, которая восходит еще к В.Н. Лосскому, в 1929 г. поместившему на страницах издания свое “Отрицательное богословие св. Дионисия Ареопагита” (на который ссылается Кривошеин. – Т.О.)... Выбор богословско-исторической проблематики был обусловлен не в последнюю очередь известным скептицизмом самого Н.П. Кондакова в отношении русского религиозно-философского ренессанса, свойственным и его ученикам. Профессор весьма нелицеприятно высказывался о бывавшем в Праге Сергии Булгакове как “объявившемся пророке” и о его “подхвостнике Егорке Флоровском”» [4, с. 36]. Как известно, впоследствии отношения Флоровского и Булгакова охладились, особенно после обвинения последнего в «софиологической ереси». В то же время, и Владимир Лосский, и Василий Кривошеин в той или иной степени (владыка Василий, впрочем, с большой долей критики) разделяли идеи Г.В. Флоровского, касающиеся возрождения патристики (оставим в стороне вопрос о роли С.Н. Булгакова в святоотеческих исследованиях). Возвращаясь к биографии Кривошеина, добавим, что в 1938–1939 гг. вышел английский перевод его знаковой статьи о Григории Паламе, а затем и ее немецкий вариант. Без преувеличения можно сказать, что эта работа сразу же принесла Кривошеину всемирную известность. Титанический труд русского подвижника афонского монастыря, благодаря которому увидели свет (в прямом смысле слова!) тексты византийского монаха XIV в., привел к новому витку интереса к мысли св. Григория Паламы. На труд Кривошеина ссылался, среди прочих, Владимир Лосский и другие представители неопатристического синтеза.

Монах Василий писал Флоровскому с Афона 23 ноября/6 декабря 1937 г.: «Как Вы уже знаете, Ант<он> Вас<ильевич> (Карташев. – Т.О.) предлагает мне держать экзамен экстерном на аттестат Богос<ловского> Института. После некоторых колебаний я решил согласиться на его предложение. Затруднения следующие: 1) из-за ограниченного моего времени, далеко недостаточного для изучения рукописей пр. Максима и

вообще патрологии, придется уделить известную часть на прохождение таких предметов, как церковное право, нравственное богословие и т.д., и на чтение учебных курсов к ним; 2) как раз таких учебных курсов у нас часто не имеется» [16]. Однако этим планам не было суждено сбыться.

Кривошеин занимал в монастыре довольно высокие должности, но политическая ситуация, сложившаяся после Второй мировой войны, привела к тому, что он был обвинен в коллаборационизме и после двадцати двух лет подвижничества на Афоне был вынужден покинуть Святую Гору, хотя по-прежнему считался насельником Свято-Пантелеймоновского монастыря (он вновь смог посетить Афон только в 1977 г.). В 1947 г. монах Василий уехал из Греции и после различных перипетий по приглашению видного англиканского богослова Дж.У.Х. Лампе (Geoffrey W.H. Lampe, 1912–1980) прибыл в Оксфорд, где написал ряд статей для «Греческого святоотеческого словаря» («A Patristic Greek Lexicon»), вышедшего в 1961 г. Кривошеин писал Флоровскому 11 декабря 1951 г.: «Нас сейчас работает 10 человек, каждому даны отдельные буквы алфавита. Я работаю над Т, на эту букву начинаются очень многие важные слова» [16]. Ранее, 22 мая 1951 г., Кривошеин был рукоположен в священники в юрисдикции московского патриархата, поскольку, подобно Владимиру Лосскому, именно его он считал канонической и легитимной структурой. Кроме того, отвечая на вопрос его племянника Никиты, владыка объяснил, что решил остаться в лоне Московского патриархата «ради будущего»: «Внутри Церкви необходима преемственность хоть какой-то части людей свободных, могущих быть опорой для лучшей части иерархии внутри страны, людей хотящих и не боящихся говорить правду» [3, с. 45]. 7 февраля 1958 г. в Париже умер Владимир Лосский, а 26 мая 1958 г. Священный Синод назначил архимандрита Василия Кривошеина вторым викарием Экзархата с титулом епископа Медонского с пребыванием во Франции, хотя в результате его епископская хиротония – во епископа Волоколамского – состоялась год спустя в Лондоне, а в Париж он переехал в ноябре 1959 г. Полгода спустя, 31 мая 1960 г., владыка Василий получил Бельгийскую кафедру Московской патриархии.

Возвращаясь к наиболее продуктивному, оксфордскому периоду творчества о. Василия, стоит добавить, что он не только вел интенсивную научную деятельность, но, служа в Благовещенском храме, стал также духовным ориентиром для многих преподавателей и студентов. В частности, он оказал существенное влияние на будущего епископа Каллиса Уэра, который вспоминал, что Кривошеин возил с собой три печатные машинки: с русской, латинской (английской) и греческой клавиатурой. Несомненно, этот факт красноречиво свидетельствует об укорененности о. Василия в нескольких культурах с сохранением верности русскому православию.

В 1963–1965 гг. в престижном издательстве «Sources Chrétiennes» вышло три тома «Огласительных слов» прп. Симеона Нового Богослова, которые отредактировал и подготовил к изданию архиепископ Кривошеин. Это исследование также было сопряжено с титаническим трудом. Отцу Василию вначале предстояло отыскать рукописи, о чем он писал брату 9 июня 1956 г.: «Приходится работать по рукописям (XI–XII вв.), которые разбросаны в библиотеках многих стран. С целью изучения этих рукописей я

ездил в Париж и Рим, но главным образом я работаю по микрофильмам с рукописей прп. Симеона Н. Богослова. Кстати, в Москве в Историческом музее имеется одна интереснейшая рукопись прп. Симеона Н.Б., и я надеюсь, если Бог даст, побывать в Москве, изучить ее основательно на месте» [14, с. 66]. Необходимо было также составить каталог различных вариантов, сравнить тексты друг с другом и расшифровать греческие письма, перевести и написать подробные комментарии (при этом стоит помнить, что Кривошеин еще в молодости потерял два пальца правой руки) [2, с. 200]. В письме Флоровскому от 30 октября 1952 г. он сообщал: «Мне удалось вполне разобраться в сложном вопросе о двух редакциях проповедей пр. Сим. Нов. Богослова, их взаимном отношении, группами проповедей, принадлежащих той или иной редакции, и т.д. Все это исключительно интересно... и никто этим до сих пор не занимался!», продолжая 11 мая 1953 г.: «К сожалению, у меня недостает несколько важных рукописей (Московской Синодальной Библиотеки, а также Афонские рукописи), но все же и по имеющемуся у меня материалу можно установить довольно хороший греческий текст» [16]. За эту подвижническую работу Ленинградская духовная академия в 1964 г. присвоила архиепископу Василию звание почетного доктора богословия. Как патролог, Кривошеин также издал монументальный труд «Преподобный Симеон Новый Богослов. Жизнь. Духовность. Учение» (1980) и ряд других работ и переводов. В результате усилиями Кривошеина было устранено еще одно «белое пятно» в истории византийской патристики [9].

Сам Кривошеин в письме брату Игорю от 9 июня 1956 г. Охарактеризовал свою деятельность следующим образом: «После церкви и связанной с ней церковной деятельности мой главный интерес – богословская наука. В частности – патристика, то есть наука об отцах церкви, их творениях, идеях, учении и т.д. Конечно, меня прежде всего интересуют греческие и византийские отцы (I–XV веков), и среди них – аскетические и мистические писатели. “Византийская мистика” – вот, если хочешь, моя “ученая специальность”. Еще более точно: прп. Симеон Новый Богослов, величайший византийский мистик (X–XI веков) и замечательный в литературном отношении писатель» [14, с. 66]. Исследовательская работа о Василии была сосредоточена вокруг четырех восточно-христианских авторов: кроме вышеупомянутых трудов о прп. Симеоне Новом Богослове и св. Григории Паламе, следует также отметить сочинения, посвященные каппадокским отцам: св. Василию Великому и св. Григорию Нисскому.

Излагая концепцию отцов церкви, Кривошеин особенно подчеркивал значение апофатического богословия, но при этом обращал внимание, что даже св. Григорий Палама допускал возможность богопознания: «...“обнаружение” Бога в мире в Его бесчисленных несозданных энергиях, доступность в них Божества для твари и реальность ее причастия в несозданном и Божественном, все это подчеркивается в учении св. Григория Паламы с не меньшей силой и настойчивостью, чем та, с какой говорится о недоступности и “скрытности” Бога в Его “тайной сверхсущности”» [11, с. 88]. Иначе говоря, катафатика в интерпретации Кривошеина не столько дополняет апофатический метод (как это имеет место у Владимира Лосского), сколько представляет собой интегральную часть бого-

словия. Монах Василий объяснял это антиномическим характером богопознания в восточной традиции, которого лишено западное богословие, в частности томизм [11, с. 89–90, 103]. Спустя годы, в письме Флоровскому от 30 декабря 1973 г. Кривошеин писал об «опасном» направлении в православном богословии, представляемом учеником Лосского Оливье Клеманом (1921–2009) и Христом Яннарасом: «Их крайний апофатизм не что иное, как капитуляция перед богословием “смерти Бога”... Эти богословы совершенно не поняли св. Григория Паламу. Основная интуиция или богословская задача Паламы была именно присутствие Бога в нашем духовном опыте, видение Бога в Божественном Свете, а вовсе не Его “отсутствии”. Все это относится преимущественно к Яннарасу. О Клемане не приходится много говорить. Богословская мысль у него Действительно “отсутствует”, заменяется риторикой и лирикой» [16].

Василий Кривошеин в своих исследованиях значительное внимание уделял вопросу о простоте Бога, отмечая, что учение восточных отцов церкви не только не отрицает эту истину, но и акцентирует положение, согласно которому в Боге нет никаких разделений. Божественная энергия, отличная от Божественной сущности, является не акциденцией, не чем-то пассивным, зависимым, имеющим меньший онтологический статус (что оправдывало бы тезис о наличии в Боге разделения), а активным началом, действием самого Бога. Кривошеин с присущей ему скрупулезностью предпринял попытку интерпретации учения о различии между Божественной сущностью и Божественной энергией с помощью схоластических категорий, описывающих различные виды дистинкций. Согласно его мнению, различие между сущностью и энергией не есть ни «реальное разделение», ни «мысленное различие», которое существует только в уме познающего субъекта. «В этом смысле различие между сущностью и энергией может весьма условно все же быть уподоблено схоластическому “*distinctio realis minor*”, то есть существующему в объекте, но не нарушающему его единства (например, душа и ее способности). Но... обозначение это будет очень неточным, ибо в тварном мире нет того неумаленного обнаружения сущности в ее проявлениях, вследствие которого наряду с их различием мы можем одновременно утверждать их тождество и тем самым простоту. Поэтому обозначение “богоприличное различие” представляется нам наилучшим образом выражающим учение св. Григория Паламы» [11, с. 107]. В 1975 г. во время патрологического съезда в Оксфорде Кривошеин прочел доклад «Простота Божественной природы и различия в Боге по св. Григорию Нисскому», в котором подчеркнул, что этот восточно-христианский автор вместо понятия «Божественная сущность» (противопологаемой энергии) использовал термин «Божественная природа» [17, с. 614, 620]. В то время как понятие «природа» (φύσις) имеет онтологическое значение, термин «сущность» (οὐσία) несет эпистемологический смысл, выражающий непостижимость Бога.

Кривошеин был лично знаком с Владимиром Лосским. Он цитировал его книги «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» и «Боговидение», а после смерти Лосского опубликовал ему некролог. В нем он упомянул о незаконченной диссертации Лосского об Экхарте, добавляя: «Для него изучать Мейстера Экхарта означало также служить Православию. В

его представлении только подобные труды, посвященные духовным реальностям Запада, способны открыть доступ православному свидетельству, вскрывая из недр самого Запада родственные ему темы и реальности, которые тем не менее выходят за обычные рамки римской схоластики и догматики, что в известной степени мы и обнаруживаем в мистике немецкого средневековья... Владимир Лосский намеревался показать, как часто Экхарт и его школа в своей мистической интуиции были близки основным темам паламизма, как они пытались освободиться от латинской средневековой схоластики и в то же время как филиоквизм, оставившийся их основной догматической установкой, мешал им понять и полностью разрешить эти богословские и духовные проблемы» [13, с. 156].

В письме Георгию Флоровскому от 1 июня 1955 г. иеромонах Кривошеин рассуждал: «Совершенно согласен с Вами относительно “русской религиозной философии”, но не могу к ней причислить В.Н. Лосского. Он ее решительный противник. Я думаю, что на формацию его ума повлиял не Карсавин, а Мейстер Экхарт и латинская схоластика. Он не “софианец навыворот”, но скорее “томист навыворот”, хотя это и преувеличено. Я его ценю как православного богослова» [16].

Иеромонах Василий и Владимир Лосский входили в состав делегации Западно-Европейского экзархата, которая вместе с членом Экзаршего Совета архимандритом Дионисием (Шамбо, 1899–1965), иеромонахом Петром (Л'Юиллье, 1926–2007), Д.Д. Оболенским (1918–2001), Оливье Клеманом, И.М. Левандовской и А.Л. Мещерской (1908–2009) с 8 по 25 августа 1956 г. посетила СССР. Это была их первая поездка на родину после эмиграции (ставшая для Лосского также последней). Члены делегации побывали в Москве, Троице-Сергиевой лавре, Владимире, Ленинграде и Киеве. И на Кривошеина, и на Лосского эта поездка произвела неизгладимое впечатление. Владимир Лосский впоследствии писал: «Назвать русский народ “богоносцем” – оценка, слишком категорическая и потому неверная, лишенная нюансов. Но верно, что этот народ отличается исключительной религиозной одаренностью, тесно связанной с еще чем-то, что можно назвать – способностью страдания... Плоды этой глубокой черты, свойственной всем не обезчеловеченным жителям СССР, а таких все-таки подавляющее большинство, проявляются, конечно, в церкви, в церковном народе. Тут русская “тяжесть” преобразуется в нечто противоположное: поразительная, нездешняя “легкость”, окрыленность, свобода молитвы в этих переполненных до отказа храмах, во время очень длинных, по четыре часа, богослужений, которые выстаиваешь, не замечая усталости, не отвлекаясь посторонними мыслями. Какая-то невероятная сила в этом молящемся народе: я все время чувствовал стыд и какой-то “*complexe d'infériorité*” перед этими толпами простого народа. А о. Василий Кривошеин, человек сдержанный и скорее сухой (петербургская бюрократическая семья и афонская духовная выправка) сказал мне: “Не знаю, что со мною делается, – я здесь все время плачу во время богослужений”. И до сих пор (я видел его две недели назад) он не может говорить об этом нашем опыте без глубокого волнения» [18, с. 262–262]. Сам Кривошеин из Оксфорда сообщал жене брата Нине Александровне Кривошеиной 8 сентября 1956 г.: «Я был очень взволнован вновь увидеть Ленин-

град, он так красив, но самое сильное мое впечатление – от церковной жизни в Советском Союзе. Большое впечатление!» [15]. Однако в письме Флоровскому от 4 января 1957 г. Кривошеин признавался: «Были в обоих Академиях, но из-за каникулярного времени не могли достаточно ознакомиться с богословской жизнью. Во всяком случае, темы кандидатских сочинений интересные – о Симеоне Н. Б., о Николае Кавасиласе и т.д. Но, конечно, чувствуется оторванность от общего развития богословской науки, недостаток источников и пособий, перерыв богословской и философской традиций. Впрочем, молодое духовенство (в больших городах оно преобладает) производит прекрасное впечатление. Но, конечно, и много грустного: закрытые полуразвалившиеся церкви и т.д. Но общее впечатление от церковной жизни скорее оптимистическое» [16].

Кривошеин был активным участником девяти международных съездов патрологов, которые проводились в Оксфорде начиная с 1951 г., где встречался, среди прочего, и с В. Лосским. Он вспоминал, что «во время одного из конгрессов хорошо известный англиканский богослов Е. Маскалл, парадоксальным образом сочетающий искреннюю симпатию к православию с томистским образом мыслей, в своем докладе развивал идею о том, что в будущем веке видение Бога будет состоять для человека в его соучастии видению Сыном Божества Отца, – тема, вдохновленная Фомой Аквинским. Владимир Лосский немедленно возразил, что он видит в этой концепции смесь оригеновского субординационизма с несторианским разделением Христа на две личности (иначе говоря, искажение и триадологии, и христологии). Однако тот же Маскалл очень ценил четкость богословских формулировок Владимира Лосского и непрестанно противопоставлял их расплывчатости и путанице “софиологических” течений русской религиозной философии» [13, с. 157].

Публикуемое ниже письмо Владимира Лосского Кривошеину касается участия в патрологической конференции в Оксфорде в 1955 г. советских специалистов. Инициатором этой идеи был Василий Кривошеин, который считал, что международные контакты «не только обогатят отечественное богословие, но и поднимут престиж Русской Церкви за рубежом» [4, с. 197]. Биограф Кривошеина сообщает, что о. Василий хотел, чтобы в Оксфорд приехали епископ Михаил (Чуб, 1912–1985) и профессор Ленинградской духовной академии Н.Д. Успенский (1900–1987). Обстоятельства приглашения участников из СССР выглядели следующим образом: «...с 4 по 21 июля в Англии и Шотландии по приглашению Британского Совета церковью находилась делегация религиозных деятелей из СССР, в которую входили: митрополит Минский и Белорусский Питирим (Свиридов), ректор МДА протоиерей К. Ружицкий, профессор ЛДА Н.Д. Успенский, доцент МДА иеромонах Филарет (Денисенко), председатель Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов Я.И. Жидков, его заместитель Н.А. Леванданто, архиепископ Евангелическо-Лютеранской церкви в Латвийской ССР Г. Турс и архиепископ Евангелическо-Лютеранской церкви в Эстонской ССР Я. Кийви. В связи с этим Англиканская церковь устроила прием, где владыка встретился с советником посольства СССР в Лондоне, “неким Тихвинским”, по его оценке, развязным господином, совершенно невежественным в церковных вопросах, впоследствии

высланным из США за действия, несовместимые со званием дипломата. В завязавшейся беседе, в процессе которой пришлось долго объяснять, что такое патрология, владыке удалось заинтересовать того идеей, что участие православных богословов в оксфордской конференции будет полезно для престижа как РПЦ, так и СССР. С.Л. Тихвинского, будущего академика, больше всего волновал вопрос, не связано ли это с “происками Ватикана” и как будут выглядеть специалисты из СССР на мировом уровне. Владыка, не будучи уверенным в правильности положительного ответа, все же сказал, что “в общем” они могут оказаться на том же уровне, добавив, что ходатайство советского посольства в Лондоне могло бы сильно облегчить все дело. “Хорошо, – сказал Тихвинский. – Постараемся это устроить”. Неизвестно, что именно он устроил, но в результате приехали не высококлассный специалист по творениям свт. Мефодия Патарского епископ Михаил (Чуб) (с ним владыка Василий все-таки встретится, но лишь 7–11 июня 1958 г., на Ламбетской конференции) и признанный специалист в области литургики Н.Д. Успенский, а совсем другие люди. Русскую Церковь на II патрологической конференции представляли профессора ЛДА Л.Н. Парийский и К.А. Сборовский...). То, что ни Парийский, ни Сборовский не говорили на иностранных языках, не позволило им принять активное участие в работе конференции. Недаром владыка “покривил душой”, отвечая положительно на вопрос Сергея Тихвинского, окажутся ли советские богословы на том же профессиональном уровне, что и западные. Больше подобных опытов не было» [4, с. 197–198].

Отец Георгий Флоровский, указывая на роль В. Лосского, писал о делегатах из СССР: «Они были на более элементарном уровне, чем остальные участники конференции, и профессор Лосский (который был председателем специальной секции, организованной с этой целью вне программы) объяснил, что богословские школы в Советском Союзе в настоящее время ограничены подготовкой к служению и пока не находятся на уровне богословских школ других стран» [6, р. 60]. Впоследствии, 9 июня 1956 г., о. Кривошеин сообщал брату Игорю: «Мне пришлось в прошлом году встречаться в Лондоне с членами церковной делегации из Советского Союза, а также с участниками Международного съезда патрологов в Оксфорде профессорами Ленинградской духовной академии. Так отрадно, что в настоящее время стали возможны такие встречи и что мы чувствуем себя менее оторванными от того, что происходит на родине. Это верно вообще, а в частности распространяется и на церковные отношения, и на богословскую науку. Дай Бог, чтобы в дальнейшем эти связи укреплялись и расширялись!» [14, с. 65].

По признанию Кривошеина в письме Флоровскому от 21 июля 1955 г., на Втором международном конгрессе патрологов, проходившем в сентябре 1955 г. в Оксфорде, он собирался говорить на тему «Литературные источники пр. Симеона Н. Б.» [16]. А известный философ Н.О. Лосский сообщал архиепископу Иоанну (Шаховскому, 1902–1989) 30 сентября 1955 г.: «Оксфордский университет организовал съезд 400 патрологов! Владимиру предложили прочитать большой доклад; его тема – “Видение Бога лицом к лицу по учению восточных отцов церкви”» [19]. Об этом «великолепном докладе» вспоминал и Кривошеин: «Слушатели были

буквально потрясены колоссальной эрудицией, которую развернул Владимир Лосский в первой части своего доклада: он показал ошибочность суждений римско-католических богословов XVI и XVII веков, в частности небезызвестного Дионисия Петавия, обвинявших в ереси почти всех восточных отцов: святителей Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста и многих других – за то, что их творения содержат учение о непостижимости и недостигаемости Божественной сущности, никак не согласующееся с концепциями Фомы Аквинского. Только впоследствии, поняв несостоятельность подобного обвинения, Петавий направил все свои нападки на одного святителя Григория Паламу, хотя в его учении “о сущности и энергиях” нет ничего, что не было бы уже сказано отцами древности» [13, с. 157].

Как уже отмечалось, Кривошеин написал некролог после смерти В.Н. Лосского, в свою очередь, сын последнего, Николай Лосский (1929–2017), написал некролог архиепископу Василию, который был «образцом редкой интеллектуальной честности и необыкновенной верности православию и церкви» [7]. Согласно Н. Лосскому, верность В. Кривошеина православию состояла не «столько в следовании формулировкам отцов церкви, которых он так хорошо знал, сколько в том, чтобы разделять с ними тот церковный опыт Бога, который составляет подлинное православное богословие всех времен и народов. Это богословие, которое никогда не бывает умозрением о Боге для интеллектуального удовлетворения мыслителя, но, если можно так сказать, “утилитарное” богословие, которое всегда ориентировано на спасение, предлагаемое Богом человеку» [7].

Публикуемое ниже письмо В. Лосского о. В. Кривошеину – это яркое свидетельство духовной и интеллектуальной связи двух выдающихся русских мыслителей и патрологов. Автограф: Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1–1 об.

Письмо Владимира Лосского о. Василию Кривошеину

Париж,
13 февр. 1955

Дорогой Отец Василий,

простите мне мое очень долгое молчание. Январь и февраль для меня самые трудные месяцы в году: приходится усиленно работать, чтобы преподавать в Centre National de la Recherche Scientifique¹, до начала марта, отчеты об уже сделанном и программу работы на следующий год.

Вчера написал Dr. Cross² о целесообразности продления границы патрологии, для Православного Востока, до падения Константинополя, указывая на то, что ограничение святоотеческой письменности восьмью

¹ Национальный центр научных исследований, основанный в 1939 г. французским физиком Жаном Батистом Перреном. В.Н. Лосский был сотрудником Центра, начиная с 1942 г. до своей смерти.

² Фрэнк Лесли Кросс (Frank Leslie Cross, 1900–1968) – англиканский священник, ученый-патролог, профессор Оксфордского университета, основатель международных патрологических конгрессов в Оксфорде.

первыми веками для Востока – искусственно¹. Написал также (дабы поддержать Вашу инициативу) о полезности привлечения на конгрессы профессоров двух русских Богословских Академий². На днях напишу об этом и Святейшему Алексию³, на его именины (15 февр.). Надо всячески стараться разрушать китайскую стену, в которой заключена почти 40 лет русская богословская наука: все ссылки на западные труды обычно не идут дальше 1914 года. Конечно, об этом я не буду говорить в письме к Святейшему: он и сам это, конечно, понимает. Укажу на не икуменический, а внеконфессиональный, чисто научный характер конгресса, где православная наука должна, однако же, быть представлена с возможной полнотой.

До сих пор еще не имел времени прочесть Вашу статью о писаниях Св. Симеона Нового Богослова⁴: она лежит у меня на столе, в ряду других книг и брошюр, на очереди к прочтению. Ужасно много времени уходит на окончательную редакцию моей диссертации⁵, и времени для

¹ Ранее мысль о «раздвижении» границ патристики высказывал о. Георгий Флоровский: «Конец “Святоотеческого Века” определяется по-разному. Обычно преп. Иоанна Дамаскина считают “последним Отцом” на Востоке, а свтт. Григория Двоеслова и Исидора Севильского – “последними” на Западе. В наше время эта концепция справедливо оспаривается. Чем же не Отец хотя бы преп. Феодор Студит? Мабийон утверждает, что Бернар Клервоский, “сладчайший доктор”, был “последним из Отцов и, конечно, несравнимым с более ранними”. Все это больше, чем просто вопрос периодизации... Сейчас нередко слышится, что “Век Отцов” окончился даже раньше Дамаскина. Очень часто его ограничивают временами Юстиниана и даже Халкидонским собором... Мы часто забываем, что знаменитая формула *Consensus quinquesaecularis* [согласие пяти столетий] есть формула протестантская, восходящая к специфически протестантскому “богословию истории”. Это ограничительная формула, хотя тем, кто желал бы затвориться в Апостольском Веке, и она кажется слишком широкой. Но дело в том, что обычная Восточная формула “Семи Вселенских Соборов” не намного лучше, если она – как это обычно и происходит – стремится ограничить духовный авторитет Церкви первыми восемью столетиями, как будто Золотой Век Церкви уже миновал, и мы живем в Железном Веке, стоящем несравненно ниже на лестнице духовного горения и опыта... В конце концов, не так уж важно, каким веком мы ограничиваем авторитет Церкви – первым, пятым или восьмым. Здесь не должно быть никаких ограничений... Церковь сейчас обладает не меньшим авторитетом, чем в прошедшие столетия, и Дух Святой живет ее не менее, чем в былые времена» [5].

² В результате в работе конгресса приняли участие профессора Ленинградской духовной академии Константин Александрович Сборовский (1883–1965) и Лев Николаевич Парийский (1892–1972).

³ Патриарх Алексей I (1877–1970) – епископ Русской православной церкви; патриарх Московский и всея Руси с 1945 г.

⁴ См. [10].

⁵ Диссертацию на тему «*Théologie négative et connaissance de Dieu chez Maître Eckhart*» («Отрицательное богословие и познание Бога в учении Майстера Экхарта») В. Лосский закончил за несколько дней перед смертью, но успел ее защитить; Сорбонский университет посмертно присвоил В. Лосскому титул *doctorant-è-lettres*.

чтения остается очень мало: читаю урывками, в метро или в автобусе. Когда прочту, этим способом, *The Writings of St. Symeon*, напишу Вам. Из-за занятости до сих пор еще не имел времени остановиться на сюжете моей communication для предстоящего конгресса. Интересно было бы сделать сводку о святоотеческой экзегезе текста *In. 17:5*: «славы, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира». Но материал большой, а времени у меня для приготовления доклада будет немного. Придется выбрать что-либо менее интересное¹.

Еще раз прошу Вас извинить мое упорное молчание, вызванное перегруженностью работой и внешними заботами. Мы часто с любовью о Вас вспоминаем и радуемся, что Никола² и Вероника³ находятся в Вашем духовном окормлении. С отъездом Ивана⁴ в Америку и Катюши⁵ в Оксфорд мы остались втроем в Париже. Моя жена⁶ и Маша⁷ шлют Вам приветы.

С любовью,
Ваш Владимир Лосский

Литература

Исследования

1. Бобринской Б. Памяти архиепископа Василия Брюссельского (1900–1985) // Вестник русского христианского движения. 1986. № 2. С. 207–209.
2. Иларион (Алфеев). Архиепископ Василий (Кривошеин) как патролог // Церковь и время. 2006. № 4. С. 196–206.
3. Кривошеин Н. Хождение по мукам мирянина-эмигранта // Посев. 2003. № 8. С. 43–45.
4. Мусин А. Биографическое вступление // Архиепископ Василий (Кривошеин). Богословские труды. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2011. С. 22–60, 144–213, 306–342, 368–412.

¹ В. Лосский прочел по-французски доклад, озаглавленный «Le Probleme de la “Vision Face Face” et la Tradition Patristique de Byzance».

² Николай Владимирович Лосский (1929–2017) – сын В.Н. Лосского, ассистент Парижского университета в Nanterre и Grand Palais, затем профессор кафедры истории Западной Церкви Свято-Сергиевского богословского института, священник с 2006 г.

³ Вероника Константиновна Лосская (урожд. Юдина-Бельская, 1931–2018) – невестка В.Н. Лосского, жена Н.В. Лосского, профессор Сорбонского университета и Свято-Сергиевского богословского института, переводчица поэзии Марины Цветаевой на французский.

⁴ Иван Владимирович Лосский (1932–1971) – сын В.Н. Лосского, филолог, синхронный переводчик ООН в Женеве.

⁵ Екатерина Асланова (урожд. Лосская, 1936–2000) – дочь В.Н. Лосского.

⁶ Магдалина Исааковна Малкиель-Шапиро (1905–1968) – жена В.Н. Лосского, церковный деятель.

⁷ Мария Семон (урожд. Лосская, род. 1934) – дочь В.Н. Лосского, филолог, историк литературы, преподаватель Парижского университета в Nanterre.

5. *Флоровский Г.* Святой Григорий Палама и традиция отцов. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/svjatoj-grigorij-palama-i-traditsija-ottsov.
6. *Florovsky G.* The Oxford Conference on Patristic Studies. September, 1955 // St. Vladimir's Seminary Quarterly. 1955–1956. No. 4. P. 57–62.
7. *Lossky N.* Son Eminence Monseigneur Basile, Archevêque de Bruxelles et de Belgique. In memoriam. URL: <http://basilekrivocheine.org/fr-memoires/son-eminence-monseigneur-basile-archeveque-de-bruxelles-et-de-belgique/>.
8. *Model S.* Mgr Basile et le Mont Athos // Messenger de l'Église Orthodoxe Russe. 2009. No. 15. P. 16–20.
9. *Rossum J., van.* Mgr Basile Krivochéine et la découverte en Occident de saint Syméon le Nouveau Théologien // Messenger de l'Église Orthodoxe Russe. 2009. No. 15. P. 9–14.

Источники

10. *Krivocheine B.* The Writings of St. Symeon the New Theologian // *Orientalia Christiana Periodica*. 1954. No. 20. P. 298–328.
11. *Кривошеин В.* Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // Архиепископ Василий (Кривошеин). Богословские труды. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2011. С. 61–135.
12. *Кривошеин В.* Две встречи. СПб.: Сатисъ, 2003.
13. *Кривошеин В.* Памяти Владимира Лосского // Богословские труды. 1985. Сб. 26. С. 156–158.
14. *Кривошеин В.* Письма о горнем и дольном. Богословские труды, проповеди, воспоминания, письма. СПб.: Сатисъ, 2010.
15. *Кривошеин В.* Письмо Н.А. Кривошеиной // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.
16. *Кривошеин В.* Письма Г. Флоровскому // Princeton University Library. Rare Books and Special Collections. Georges Florovsky Papers. Box 26. Folder 7.
17. *Кривошеин В.* Простота Божественной природы и различия в Боге по св. Григорию Нисскому // Архиепископ Василий (Кривошеин). Богословские труды. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2011. С. 614–643.
18. *Лосский В.Н.* Встреча с русским народом // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 12. СПб.: Atheneum, Феникс, 1993. С. 258–262.
19. *Лосский Н.О.* Письмо к о. Иоанну Шаховскому // Amherst Center for Russian Culture, Amherst College. Archbishop Ioann Shakhovskoy Papers. Box 11. Folder 21.
20. *Струве П.Б.* Письмо Г.П. Струве // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 2.

Obolevich, Teresa. *Two patrologists: Vladimir Lossky and Fr. Vasily Krivo-shein*

References

1. Bobrinskoy, V. (1986), Pamyati arkhiepiskopa Vasiliya Bryusselskogo (1900–1985) [Archbishop Basil of Brussels (1900–1985). In Memoriam], in: *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian Movement], no. 2, pp. 207–209.

2. Парон (Alfeev) (2006), Arkhiepiskop Vasily (Krivoshein) kak patrolog [Archbishop Vasily (Krivoshein) as a patrologist], in: *Tserkov i vremena* [Church and Time], no. 4, pp. 196–206.
3. Krivoshein, N. (2003), Khozhdenie po mukam miryanina-emigranta [The walk in the woes of the migrant layman], in: *Posev* [Seeding], no. 8, pp. 43–45.
4. Musin, A. (2011), Biograficheskoe vstuplenie [Biographical introduction], in: Arkhiepiskop Vasilij (Krivoshein), *Bogoslovskie trudy* [Theological works], Khristianskaya biblioteka, Nizhniy Novgorod, pp. 22–60, 144–213, 306–342, 368–412.
5. Florovsky, G., Svyatoy Grigory Palama i traditsiya ottsov [St. Gregory Palamas and the Tradition of the Fathers], URL: http://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/svjatoj-grigorij-palama-i-traditsija-ottsov.
6. Florovsky, G. (1955–1956), The Oxford Conference on Patristic Studies. September, 1955, in: *St. Vladimir's Seminary Quarterly*, no. 4, pp. 57–62.
7. Lossky, N., *Son Eminence Monseigneur Basile, Archevêque de Bruxelles et de Belgique. In memoriam*, URL: <http://basilekrivocheine.org/fr-memoires/son-eminence-monseigneur-basile-archeveque-de-bruxelles-et-de-belgique>.
8. Model, S. (2009), Mgr Basile et le Mont Athos, in: *Messenger de l'Église Orthodoxe Russe*, no. 15, pp. 16–20.
9. Rossum, J., van (2009), Mgr Basile Krivochéine et la découverte en Occident de saint Syméon le Nouveau Théologien, in: *Messenger de l'Église Orthodoxe Russe*, no. 15, pp. 9–14.